

Alla Yaroshinskaya

Советский коммунизм на весах Чернобыля

Примечание редакции: в цитируемых документах сохранены орфография, пунктуация и грамматические ошибки оригиналов

В моем личном чернобыльском архиве до сих пор хранятся копии преступных документов Коммунистической партии и советского правительства, которое немедленно засекретило масштабы ядерной катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года и ее последствия для населения и окружающей среды. За них уже заплачено десятками тысяч жизней ликвидаторов и жертв катастрофы, случаями рака щитовидной железы у детей и взрослых, потерей здоровья и качества жизни девяти миллионов людей в зонах поражения.

Вот один из таких тайных документов — "Распоряжение Третьего главного управления Министерства здравоохранения СССР от 27 июня 1986 года "Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС". И вот эти роковые пункты:

"4. Засекретить сведения об аварии.

8. Засекретить сведения о результатах лечения.

9. Засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Начальник третьего главного управления МЗ СССР Шульженко".

Еще одна страшная бумага из этой же серии: "Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР" от 8 июля 1987 года, No. 205, разосланное военным комиссариатам:

1. К числу отдаленных последствий, обусловленных воздействием ионизирующего облучения и находящихся в причинно-следственной связи с ним, следует считать: лейкоemia или лейкоз через 5—10 лет после облучения в дозах, превышающих 50 рад.
2. Наличие острых соматических расстройств, а также признаков обострения хронических заболеваний у лиц, привлекавшихся к ликвидации последствий аварии и не имеющих ОЛБ (ОЛБ — острая лучевая болезнь. — *А.Я.*) не должно ставиться в причинную связь с воздействием ионизирующего облучения.
3. При составлении свидетельств о болезни на лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ, в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую

степени ЛБ.
Начальник 10-й ВКК полковник медицинской службы
Бакшуттов.

А этот преступный циркуляр выдала уже сама правительственная комиссия по Чернобылю: "Перечень сведений по вопросам аварии на ЧАЭС, которые не подлежат опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению", No. 423 от 24 сентября 1987 года. В нем предписывается засекретить: "2. Сведения о показателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС или лиц, привлеченных по ликвидации последствий аварии". И это были не просто бумажки. Все это действовало, наводило страх на редакторов газет, журналов, радио, телевидения. Все это создавало зону мертвого молчания о том, что же на самом деле происходит в Чернобыле и вокруг него. Вместо правды печать и телевидение с подачи Кремля заверяли страну и мир, что все хорошо, а здоровью людей ничто не угрожает.

Многие годы к самым важным секретным документам не было никакого доступа. Мне удалось пробиться к ним только в 1991 году, когда в качестве народного депутата СССР я работала в Комиссии по расследованию действий должностных лиц в связи с аварией на ЧАЭС. А о многих уникальных документах, о преступной переписке московских и киевских медицинских чиновников я впервые пишу только сейчас, спустя почти 20 лет после ядерной катастрофы в Чернобыле.

После указа Бориса Ельцина о запрете Коммунистической партии началась передача ее архивов, и мы, наконец, получили секретные протоколы заседаний оперативной группы политбюро ЦК КПСС по аварии на Чернобыльской АЭС, которую возглавлял председатель советского правительства Николай Рыжков. Но как ни просили наши эксперты, доктора наук, чтобы в копировальном бюро парламента сделали хотя бы одну рабочую копию протоколов, им было отказано.

В один из декабрьских дней 1991 года, когда СССР уже доживал свои последние недели, подъехав к зданию на Новом Арбате, где размещались комиссии и комитеты Верховного Совета СССР, я увидела, что на машину активно грузятся и куда-то вывозятся депутатские архивы. Меня вдруг осенило, что вот сейчас и секретные протоколы заседаний оперативной группы политбюро по Чернобылю могут быть также вывезены, и никто никогда их больше не увидит. К тому же члены комиссии так и не успели еще прочитать эти сверхважные документы.

И я решила, что должна во что бы то ни стало сделать копии этих протоколов. Я зашла в кабинет, где обычно заседала наша чернобыльская комиссия, открыла сейф и вынула оттуда увесистую пачку документов. Я лично видела их впервые. Быстро пролистав, поняла, что это бесценное сокровище с грифами "секретно" и "совершенно секретно", с печатями политбюро и оригинальными подписями советского руководства.

Быстро написала заявку в копировальное бюро и отнесла туда сорок секретных протоколов — это почти 600 страниц текста. Мне пообещали, что к следующему утру копии будут готовы. Тут следует пояснить, что в то время в СССР копировальных машин практически не было вообще. А уж об их доступности простому человеку и говорить нечего. И на весь наш парламент работало одно копировальное бюро для депутатов.

СССР уже был в процессе самоликвидации, и парламенту было отведено несколько последних месяцев работы. И я как депутат еще имела законное право копировать любые документы. Но утром сотрудники бюро в каком-то замешательстве сказали мне, что... им не разрешили копировать чернобыльские протоколы. Оказалось, "вето" наложил некто Владимир Пронин, назвавшийся консультантом второго секретного сектора ВС СССР. Услышав это, я испытала шок: оказывается, за всеми действиями депутатов в стенах Верховного Совета пристально следили спецслужбы! Я зашла к начальнику спецчасти Секретариата ВС СССР Анатолию Бурко и с негодованием объяснила ему, что я еще депутат, и что я еще имею право.

Но он в свою очередь невозмутимо разъяснил мне, что, мол, он не может разрешить копировать эти засекреченные документы. А чтобы получить разрешение, надо обратиться с такой просьбой в ту организацию, которая их и засекретила, и вот тогда... Напомню, это было после коммунистического путча. Уже президент России Борис Ельцин запретил КПСС, а некоторые члены ее политбюро, путчисты, обдумывали жизнь в "Матросской тишине", тюрьме КГБ. Но секреты этой организации строго охраняли ее подручные в умирающем парламенте страны.

Я забрала документы, вернулась в кабинет и по спецсвязи позвонила Вадиму Бакатину, новому шефу советского КГБ, которого Михаил Горбачев назначил вместо бывшего — Крючкова. Я попросила Бакатина дать указание своим подчиненным в Кремле, чтобы они разрешили мне копировать секретные партийные документы. Ответ Бакатина меня потряс: "Я не могу вам ничем помочь, — сказал он. — Это не наши кадры. Они мне не подчиняются". Так я случайно узнала, что в недрах парламента существовала некая тайная организация, которая "мониторила" все действия депутатов, подчиняющаяся непосредственно, как сказал Бакатин, его председателю. А председатель — путчист Анатолий Лукьянов уже сидел на нарах...

В общем, я поняла, что никто мне не поможет. Поняла и то, что я не могу просто так положить эти документы в сейф и забыть. Поэтому на автопилоте я положила их в сумку и вышла на улицу. Что делать дальше? Снять с них копии было решительно негде — как я уже сказала, копировальных бюро, которые сейчас на каждом углу, тогда не было. Я решила пойти в газету "Известия". Здесь нашелся воделенный ксерокс, и я вернулась обратно уже с двумя сумками — оригиналами и копиями документов.

Положив обратно в сейф оригиналы, закрыв его, я задумалась: в стране все так зыбко, а если коммунисты завтра снова окажутся у власти, что тогда будет со мной и моей семьей после того, как я напечатаю эти материалы? Они скажут, что ничего такого не было, что я все это придумала. И — правильно! — я окажусь там, где сидят сейчас путчисты! Я снова открыла сейф, вынула оттуда первый протокол — оригинал — и на его место положила копию. Таким образом я пыталась обезопасить себя и свою семью от возможных неприятностей.

Читая уникальные секретные документы, я всякий раз думаю о том, что главный и самый страшный изотоп, вылетевший из горла реактора, отсутствует в таблице Менделеева. Это ложь-86. Обман столь же глобален, сколь глобальна сама катастрофа.

Ложь No. 1 -- о поражении радиацией

Первое заседание оперативной группы политбюро состоялось 29 апреля 1986 года. Начиная с 4 мая, в оперативную группу идет поток сообщений о госпитализации населения.

"Секретно. Протокол No. 5. 4 мая 1986 г. присутствовали: члены Политбюро ЦК КПСС гг. Рыжков Н.И., Лигачев Е.К., Воротников В.И., Чебриков В.Л., кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС гг. Долгих В.И., Соколов С.Л., секретарь ЦК КПСС Яковлев А.Н., Министр внутренних дел т. Власов А.В.

[...] Сообщение т. Щепина (первый заместитель министра здравоохранения СССР – А.Я.) о госпитализации и лечении населения, подвергшегося действию радиации. Принять к сведению, что по состоянию на 4 мая всего госпитализировано 1882 человека. Общее число обследованных достигло 38 тысяч человек. Выявлено пораженных лучевой болезнью различной степени сложности 204 человека, в том числе 64 ребенка. В тяжелом состоянии находится 18 человек".

"Секретно. Протокол No. 7. 6 мая 1986 г. [...] по состоянию на 9–00 часов 6 мая общее число госпитализированных составило 3454 человека. Из них на стационарном лечении находятся 2609 человек, в том числе 471 ребенок. По уточненным данным число пораженных лучевой болезнью составляет 367 человек, в том числе 19 детей. Из них в тяжелом состоянии находится 34 человека".

Судя по протоколам, число госпитализированных и пораженных острой лучевой болезнью растет с каждым днем. Счет идет уже на тысячи.

"Секретно. Протокол No. 12. 12 мая 1986 г. [...] На стационарном обследовании и лечении находятся 10 198 человек, из которых 345 человек имеют признаки лучевого заболевания. Среди них 35 детей".

Как соотносить динамику этих сообщений на заседании оперативной группы с упорным молчанием в средствах массовой информации о тысячах больных? Правда для патрициев и правда для рабов?

После того, как число госпитализированных из пораженных зон перевалило за десять тысяч, с 13 мая 1986 года началась повальная выписка облученных людей из больниц. Похоже, чем сильнее расплодилось радиация по стране, тем здоровее становился советский народ.

Отгадка внезапного чудесного "исцеления" тысяч пораженных людей — в этих же документах.

"Секретно. Протокол No. 9. 8 мая 1986 г. [...] Минздрав СССР утвердил новые нормы допустимых уровней облучения населения радиоактивными излучениями, превышающие прежние в 10 раз (прилагается). В особых случаях возможно увеличение этих норм до уровней, превышающих прежние в 50 раз (! — А.Я.)". Поясню: это в пять раз выше допустимого даже для профессионалов, работающих в машинных залах АЭС. Далее: "...Таким образом, гарантируется безопасность для здоровья населения всех возрастов, даже при сохранении данной радиационной обстановки в течение 2,5 лет". Под эти нормы "подогнали" даже беременных женщин и

детей!

Вот так, без лечения, тысячи облученных в один момент чудесно "исцелились". (Эффективность метода наводит на мысль: а почему бы не принять в стране директиву, что, например, начиная с 1 мая с.г. нормальной температурой тела считать не 36,6, а 38 или в "особых случаях" 39 градусов? Тогда больных в России не будет вообще.)

Безусловно, советское партийное руководство увеличило допустимые радиационные дозы от 10 до 50 раз для того, чтобы скрыть истинные масштабы поражения радиацией людей. И в значительной степени этот идеологический трюк им удался.

Ради этого в Кремле шли на все. Не минуло и трех месяцев после отселения людей из "черной" зоны, как называл в своих секретных письмах первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Щербицкий 30-километровую зону отселения, как власти спешно начали обратный процесс: реэвакуацию! "Секретно. Подлежит возврату в Особый сектор Управления делами Министров СССР.

Протокол No.29. [...] 23 июня 1986 года. [...] Заключение о возможности возвращения детей и беременных женщин в районы, где уровни радиации находились в пределах от 2 до 5 мр/час. 1. Разрешить реэвакуацию (возвращение) детей и беременных женщин во все населенные пункты, где общая расчетная доза не будет превышать 10 бэр за первый год (всего 237 населенных пунктов)", а туда, "где расчетные дозы облучения (без ограничения потребления загрязненных продуктов) превысит 10 бэр, — с первого октября 1986 года [далее названо 174 населенных пункта] — Израэль, Буренков, Александров". При этом месяцем ранее глава Госкомгидромета Юрий Израэль секретно докладывал: "Территории с уровнем радиации более 5 мР/час [...] признаны опасными для проживания населения. [...] На территории с уровнем радиации менее 5 мР/час требуется введение жесткого контроля за радиоактивностью продуктов питания, особенно молока".

Интересно сравнить это с засекреченным "Докладом начальника химических войск министерства обороны СССР В. Пикалова на совещании в ЦК КПСС от 15 июня 1987 года". В нем отмечено: "... в 'рыжем' лесу за счет повалки и консервации леса (засыпки песком) уровни радиации снижены с 5 Р/ч до 7,5 мР/ч, что превышает допустимые значения в 15 раз". "Рыжим" называли лес вблизи АЭС, который был умерщвлен ядерным взрывом. Получается, беременных женщин и детей реэвакуировали в своеобразный "рыжий" лес!

И ни у кого не дрогнула рука — росчерком пера загнали обратно в ядерное гетто, в "черную зону", и беременных, и детей!

Спустя почти 20 лет после катастрофы, разбирая свой чернобыльский архив, я наткнулась на сенсационный документ, имеющий прямое отношение к секретным протоколам и еще раз подтверждающий глобальность лжи и преступность власти. В нем впервые речь идет о конкретных дозах, полученных людьми в первые месяцы после катастрофы на ЧАЭС.

26 мая 1987 года министр здравоохранения УССР А.Е. Романенко в письме министру здравоохранения СССР Е.И. Чазову "О ходе

выполнения приказа МЗ СССР N527—дсп от 13.04.1987 г.", No. 428с, под грифом "секретно" и штампом "без права публикации" сообщает: "В районах с повышенной радиацией в Киевской, Житомирской и Черниговской областях проживает 215 тыс. человек, в т.ч. 74,6 тыс. детей. [...] выявлено 39,6 тыс. больных, ранее не состоящих на учете. За лицами, у которых выявлены различные соматические заболевания, установлено динамическое наблюдение, проводится их лечение в амбулаторных и стационарных условиях. Всего за год было госпитализировано 20,2 тыс. человек, из них около 6 тыс. детей".

А теперь — внимание! "В первые месяцы после аварии на ЧАЭС было проведено дозиметрическое обследование щитовидной железы у всех детей. У 2,6 тыс. детей (3,4%) из них было выявлено содержание радионуклидов йода, превышающее 500 бэр". Хочу заметить, что это страшное письмо датировано 13 апреля 1987 года. Значит, уже почти год как вступили в действие повышенные в 10—50 раз дозы из секретных протоколов Политбюро. Значит, реально таких детей намного больше — соответственно, от 10 до 50 раз, и настоящие дозы тех, кто попал в это письмо, также в 10—50 раз выше. Даже по оценкам самых отъявленных медицинских ортодоксов рак щитовидки наступает после 100 бэр.

Возникает вопрос: а у скольких же детей в Украине и других республиках, попавших "под радиацию", было выявлено менее 500 бэр на щитовидной железе? Увы, точных данных об этом в открытом доступе нет и по сей день.

В продолжение тайной переписки Чазов в своей докладной записке от 16 ноября 1987 года, No. 3634с, под грифом "секретно" и штампом "без права публикации" сообщает в ЦК КПСС: "На 30.09.1987 г. диспансерным наблюдением охвачено 620 016 человек. С целью проведения углубленного обследования и уточнения диагноза заболеваний, выявленных при диспансерном обследовании, но не связанных с воздействием облучения, госпитализировано 5213 человек". Получается, министр здравоохранения Украины Романенко сообщает ему, что только за год (!) более чем у двух с половиной тысяч детей накоплено по 500 бэр радиоактивного йода в щитовидках (это означает рак), а Чазов сообщает секретно в ЦК, что "не выявлено заболеваний, которые можно было бы отнести за счет радиационного фактора"! А что же тогда "можно отнести"? Или ЦК КПСС приятнее было слышать именно такую "правду"?

А вот уже и проект постановления "О выполнении резолюции XXVIII съезда КПСС 'О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и ходе работ по ликвидации ее последствий'" от 28 декабря 1990 года, который секретариат ЦК КПСС направил новому Генеральному секретарю В.А. Ивашко, приглашенному в Москву из Украины. В этом закрытом документе отмечается: "Последствия аварии продолжают сказываться на рождаемости и длительности жизни. Так, в Белорусской ССР за последние четыре года рождаемость детей снизилась на 10 процентов, увеличилась здесь и смертность населения от злокачественных новообразований. В Могилевской и Гомельской областях за последние пять лет она возросла более чем на 19 процентов". И эти закрытые выводы ЦК КПСС никак не координируются с их открытым цинизмом в официальных оценках доз.

Через несколько лет после аварии, выступая на парламентских слушаниях, даже академик Л.А. Ильин, патриарх печально известной концепции "35 бэр за 70 лет", от которой отказались ученые Белоруссии, Украины и парламентские эксперты, вынужден был признать, что "если снизить ее хотя бы до 7 бэр за 35 лет, то вместо 166 тысяч человек, которые сейчас предполагаются к отселению в общей сложности, мы должны сейчас эту цифру увеличить примерно в десять раз. Речь коснется переселения более полутора миллионов людей... Общество должно взвесить весь риск и всю выгоду от такой акции".

Слушая тогда эти речи, думала о том, кто же их произносит — врач, благоговейший перед каждой жизнью, или бухгалтер, цокающий костяшками: жизнь туда, жизнь сюда — какая разница? А ведь впоследствии и сам академик вынужден был признать, что "один миллион 600 тысяч детей имеют дозовые нагрузки, которые нас волнуют, надо решать вопрос, как поступать дальше".

Из протоколов стало ясно: их дозовые нагрузки исчислялись, исходя из новейших "рецептов" официальной науки, делавшейся под цэковским грифом "секретно". А если посмотреть на этих детей с точки зрения нравственного императива недопустимости жертв, исповедуемого в цивилизованных странах, то на сколько еще надо умножить?

Ложь No. 2 — о "чистоте" продукции на радиоактивных полях

Секретные рецепты от Политбюро по использованию радиоактивного мяса и молока, бесспорно, одно из самых сильных мест в кремлевском чернобыльском триллере.

"Секретно. Протокол No. 32. 22 августа 1986 г., п. 4 [...] Принять к сведению сообщение т. Мураховского В.С. о том, что ... разработаны рекомендации и мероприятия по ведению агропромышленного производства на территориях с разной плотностью загрязнения долгоживущими изотопами".

Кремлевские мудрецы, писавшие эти протоколы, не могли не знать также, что буренки дают радиоактивное молоко, придя с пастбищ, удобренных даже одним кюри цезия-137 на квадратный километр.

Там же, п. 10: "...Считать целесообразным заложить в государственный резерв мясо с повышенным содержанием радиоактивных веществ, находящееся на хранении, а также подлежащее закупке в текущем году".

"Совершенно секретно. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 8 мая 1986 г. Записка т. Мураховского В.С. [...] Секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. [...] При забое крупного рогатого скота и свиней установлено, что обмыв животных водой, а также удаление лимфатических узлов приводит к получению пригодного для употребления мяса".

Интересно, а куда они девали "удаленные лимфатические узлы"? Их ведь тоже можно было пустить советским школьникам на пончики!

"Секретно. Приложение к п. 10 протокола No. 32 [...]. При переработке скота из зоны, расположенной на следе выброса Чернобыльской АЭС, часть вырабатываемого мяса содержит радиоактивные вещества (РВ) в количествах, превышающих допустимые нормы. В настоящее время на

холодильниках мясной промышленности ряда областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Российской Федерации находится на хранении около 10 тысяч тонн мяса с уровнем загрязнения РВ от $1,1 \cdot 10^{-7}$ ки/кг до $1,0 \cdot 10^{-6}$ ки/кг, в августе–декабре текущего года ожидается поступление из производства еще 30 тыс. тонн такого мяса".

А дальше идет трогательная рекомендация: "Для того чтобы не допустить большого суммарного накопления РВ в организме людей от употребления грязных продуктов питания, министерство здравоохранения СССР рекомендует максимально рассредоточить загрязненное РВ мясо по стране (подчеркнуто мною. — А.Я.) и использовать его для выработки колбасных изделий, консервов и мясных полуфабрикатов в соотношении один к десяти с нормальным мясом... Для использования указанного мяса на пищевые цели и обеспечение выпуска продукции в соответствии с требованиями Минздрава СССР с учетом его десятикратного разбавления незагрязненным мясом, необходимо организовать его переработку на мясокомбинатах большинства областей Российской Федерации (кроме г. Москвы), Молдавии, республик Закавказья, Прибалтики, Казахстана, Средней Азии. Председатель Госагропрома СССР В.С. Мураховский".

Но и это на практике оказалось не совсем так. В 2002 году в газете "Спасение" бывший работник подсобного хозяйства ЦК КПСС А.П. Повалыев рассказывал: "...мясо животных, которых забили в Чернобыле, было непригодно в пищу, в нем содержание цезия-137 было раза в 3—4 выше нормативов того времени. Мы разместили его в холодильники. Более загрязненное направляли на корм пушным зверям. А остальное стали отпускать мясоперерабатывающим комбинатам с инструкцией: добавлять к 'чистому' мясу порциями не более 20%. [...] Это общепринятый принцип разбавления: грязное смешивается с чистым до получения приемлемой концентрации". Бывший цэковский "завхоз" запомнил немаловажную деталь: Политбюро предписывало кормить таким "элитным" мясом всю страну, кроме Москвы и Ленинграда.

Еще одно приложение к протоколу No. 32: "С 1 августа по всей территории СССР вступил в силу норматив на допустимый уровень содержания радиоактивных веществ в молоке, равный $1 \cdot 10^{-8}$ ки/л ("чистое" молоко в минус 12 степени. — А.Я.). ... Продукция, производимая в установленных районах, не подлежит поставке на экспорт".

Особая забота о "бесперебойном снабжении населения молоком", не правда ли? Нет "чистого" — повысили норматив и "грязное" сразу стало "чистым". Но на экспорт — нельзя, поить радиоактивными отходами только свое население. Ведь в тайных бумагах все сходится, все в нужных партии, правительству и Западу нормам, дозах, пределах.

Только через пять лет после аварии, после депутатских запросов, прокуратура Союза, наконец, возбудила уголовное дело и по "фактам засекречивания информации от населения", что привело к его "значительному переоблучению", и по реализации "грязной" продукции.

Вот что отвечал на мой депутатский запрос заместитель генерального прокурора СССР В.И. Андреев: "...за период с 1986 года по 1989 год в указанных зонах произведено выше допустимых уровней загрязнения 47,5 тысячи тонн мяса и 2 миллиона тонн молока. Указанные

обстоятельства повлекли загрязнение радиоактивными веществами продуктов питания практически по всей стране и могут оказать отрицательное воздействие на состояние здоровья населения".

И далее: "Указанные обстоятельства ставили в опасные для проживания условия около 75 миллионов человек (страшная цифра, читатель! — А.Я.) ...и создавали условия для повышенной смертности, увеличения числа злокачественных новообразований, увеличения количества уродств, наследственных и соматических заболеваний, изменение трудоспособности населения.

... Только у 1,5 миллиона человек (в том числе у 160 тысяч детей в возрасте до 7 лет), на момент аварии проживающих в зоне наибольшего загрязнения йодом-131, дозы облучения щитовидной железы составили у 87 процентов взрослого и 48 процентов детского населения 30 бэр, у 11 и 35 процентов, соответственно, от 30 до 100 бэр, у 2 процентов взрослого и 17 процентов детей — свыше 100 бэр".

Распался Союз. Не стало ни прокуратуры СССР, ни генерального прокурора. Даже в Болгарии прошел судебный процесс над теми, кто скрывал информацию о радиации. А у нас, где и случилась вселенская катастрофа, виноватых в чернобыльском беспределе не было ни при партократах, призывающих "усиливать пропагандистские мероприятия, направленные на разоблачение лживых измышлений буржуазных органов информации и спецслужб о событиях на Чернобыльской АЭС", ни при демократах: суверенные прокуратуры хранят гробовое молчание.

Ложь No. 3 -- о сообщениях для печати

Почти 20 лет спустя после катастрофы мне в руки попал уникальный документ с пометкой "Совершенно секретно. (Рабочая запись.) Экз. единственный". Заседание политбюро ЦК КПСС 29 апреля 1986 года. Возможно, это первое или одно из первых заседаний, на котором рассматривался вопрос о Чернобыле. На третий день после взрыва. Вел его сам Михаил Горбачев. Присутствовали все члены Политбюро. Здесь, похоже, впервые решалось, какую информацию давать миру и стране о случившемся. После сообщения члена политбюро В.И. Долгих о "свечении кратера" разрушенного реактора, о "забросе мешков с вертолетов" ("Для этих целей мобилизовано 360 человек, плюс 160 добровольцев, но есть отказы от работы"), о "трех 'языках' облака — западном, северном и южном", они начали обсуждать и проблему, как "давать информацию". "Горбачев М.С. [...] Чем честнее мы будем вести себя, тем лучше (браво, Михаил Сергеевич! — А.Я.)". Но уже через абзац — "Когда будем давать информацию, надо сказать, что станция была поставлена на плановый ремонт, чтобы не падала тень на наше оборудование". А как же перестройка и новое мышление? На чернобыльскую аварию они не распространялись. Не поэтому ли Чернобыль и стал катализатором распада коммунистической империи?

Из рабочей записи протокола хорошо видны метания членов Политбюро. Они обсуждают, как лучше обмануть мир и собственный народ.

Громько А.А. Необходимо [...] дать братским странам больше информации, а определенную информацию дать Вашингтону и Лондону. Соответствующие разъяснения нужно было бы дать и советским послам.

Воротников В.И. А как быть с Москвой?
 Горбачев М.С. Пока ничего делать не нужно. Пусть т.
 Ельцин Б.Н. следит за обстановкой.
 Алиев Г.А. Может быть, дать информацию нашему народу?
 Лигачев Е.К. Возможно не следует делать пресс-конференцию.
 Горбачев М.С. Наверное, целесообразно сделать одну информацию о ходе работ по ликвидации аварии.
 Яковлев А.Н. Иностранцы корреспонденты будут искать слухи. [...]
 Рыжков Н.И. Целесообразно дать три сообщения: для наших людей, для соцстран, а также для Европы, США и Канады. В Польшу можно было бы послать человека.
 Зимянин М.В. Важно, чтобы в информации отметить, что ядерного взрыва не было, а была лишь утечка радиации в результате аварии.
 Воротников В.И. Можно сказать, что было нарушение герметичности при аварии.
 Добрынин А.Ф. Правильно. Ведь у Рейгана наверняка уже на столе лежат фотоснимки. [...]
 Горбачев М.С. [...] Все согласны с предложенными мерами?
 Члены Политбюро. Согласны.
 Горбачев М.С. Постановление принимается.

Под этой рабочей записью, отпечатанной на машинке, от руки подписано: "А. Лукьянов". Анатолий Лукьянов — сокурсник Михаила Горбачева, его друг и соратник. Через три года Горбачев сделает его председателем Верховного Совета СССР, а еще через два года Лукьянов его предаст, став членом группы заговорщиков — ГКЧП — и окажется в тюрьме "Матросская тишина".

Настроения и решения этого заседания Политбюро в полной мере учитывались в дальнейшей работе оперативной группы по Чернобылю. Печать на ее заседания не допускали. Только один раз, 26 мая 1986 года (протокол No. 18) были приглашены редакторы центральных газет. Здесь им дали наказ: "Главное внимание уделить мерам, принимаемым ЦК КПСС и Правительством по обеспечению нормальных трудовых и социально-бытовых условий жизни эвакуированного населения, ликвидации последствий аварии, широко отражать активное участие трудящихся в реализации этих мер".

Едва ли не на каждом заседании группы рассматривался вопрос о каком-либо сообщении — для печати, телевидения, пресс-конференции. Все тексты утверждались голосованием, указывалась конкретная дата публикаций.

"Секретно. Протокол No. 1. 29 апреля 1986 г. [...] 10. О правительственных сообщениях. Утвердить текст Правительственного сообщения для опубликования в печати. Утвердить текст информации руководителям ряда капиталистических стран об аварии на Чернобыльской АЭС и принимаемых мерах по устранению ее последствий. Утвердить текст руководителям ряда социалистических стран о состоянии дел по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС".

В тот самый день этот же вопрос рассматривало и Политбюро ЦК КПСС. В постановлении отмечено: "4. [...] подготовить информацию о ходе работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС для населения нашей страны, руководства братских партий социалистических стран, а также глав государств и правительств других европейских государств, США и Канады (тексты прилагаются)".

Все, как предлагал глава правительства Николай Рыжков на заседании Политбюро по Чернобылю. Для внутреннего употребления — одна информация, вернее, дезинформация, для братьев по социалистическому разуму — другая, для "проклятых" капиталистов — третья?

В одном из приложений уже даются конкретные указания: "София, Будапешт, Берлин, Варшава, Бухарест, Прага, Гавана. Белград — Совпослам. Срочно посетите г. Живкова (Кадара, Хоннекера, Ярузельского, Чаушеску, Гусака, Кастро, Жарковича или лицо, его замещающее и, сославшись на поручение, передайте следующее [...] Поясните, что аналогичная информация будет передана руководству США и ряда западноевропейских стран. Добавьте, что при необходимости с нашей стороны будет передаваться друзьям дополнительная информация".

Интересен нюанс — "дополнительная информация" будет "передаваться друзьям". А недрузьям?

"Секретно. Протокол No.3. 1 мая 1986 г. [...] Направить в районы, прилегающие к зоне размещения Чернобыльской АЭС, группу советских корреспондентов с целью подготовки материалов для печати и телевидения, свидетельствующих о нормальной жизнедеятельности этих районов".

Так сказать, сочинение на заданную тему.

"Секретно. Протокол No. 9. 8 мая 1986 г. [...] 4. О выступлении по телевидению тт. Воробьева А.И. и Гогина Е.Е. Учитывая улучшение обстановки на Чернобыльской АЭС, считать целесообразным воздержаться от указанного выступления".

Привлечь внимание руководства страны к бедственному положению людей, проживающих в радиоактивных зонах, попытался журналист "Известий" Н. Матуковский из Белоруссии. Его записка приложена к протоколам.

Секретно. Телетайписткам. Эту телеграмму не показывать никому, кроме главного редактора. Копию уничтожить. [...] Информация. Сообщаю для Вашего сведения, что радиационная обстановка в Белоруссии значительно осложнилась. Во многих районах Могилевской области обнаружено радиоактивное заражение, уровень которого значительно выше уровня тех районов, о которых мы писали. По всем медицинским канонам проживание людей в этих районах связано с огромным риском для жизни. У меня сложилось такое впечатление, что наши товарищи растерялись и не знают, что предпринять, тем более, что соответствующие московские инстанции не хотят верить в случившееся [...] Сообщаю Вам это по телексу, потому что

все телефонные разговоры на эту тему у нас категорически запрещены. 8 июля 1986 г. Н. Матуковский.

А вот как тщательно готовились к пресс-конференциям для советских и иностранных журналистов.

Секретно. 4 июня 1986 г. [...] Приложение к протоколу No. 21. Директивы для освещения на пресс-конференции основных вопросов, связанных с причинами и ходом ликвидации последствий аварии на четвертом блоке Чернобыльской АЭС [...] 2. При освещении хода ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС: показать успешное выполнение широкомасштабных технических и организационных мероприятий, направленных на ликвидацию последствий аварии [...] 4. Указать на несостоятельность претензий и оценок как отдельных официальных лиц, так и прессы из ряда западных стран, заявляющих о якобы существенном экологическом и материальном ущербе, нанесенном за счет распространения небольших количеств радиоактивных веществ с воздушными массами из зоны Чернобыльской АЭС.

Ну и как же при этом не "усилить пропагандистские мероприятия, направленные на разоблачение лживых измышлений буржуазных органов информации и спецслужб, о событиях на Чернобыльской АЭС"? Это предписание из секретного циркуляра ЦК КПСС от 22 мая 1986 года кочует в разном изложении от документа к документу. Ну надо же хоть как-то бороться с радиацией! И вот уже об этом докладывает в тайном послании в Кремль первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Щербицкий: "Внимательно изучается общественное мнение, организовано регулярное информирование партийного актива и населения (видите, партийный актив уже как будто и не принадлежит к населению, какая-то высшая каста. — А.Я.), разоблачаются вымыслы буржуазной пропаганды, различного рода слухи".

И как им самим не было противно все это писать и говорить?

Об обмане властей можно продолжать долго — он подробно расписан кремлевскими беспредельщиками в секретных протоколах, записках, приложениях и переписке в полной уверенности, что ЭТО никто и никогда не узнает. Ложь No. 4 — о "посадке" нового городка энергетиков Славутича на "цезиевое" пятно, ложь No.5 — о "самых надежных" советских реакторах и т.д.

Эти секретные документы открывают старые, как мир, истины: каждый раз, чтобы сохранить себя, тоталитарная Система должна была непременно творить зло и непременно скрывать содеянное. Начиная с тайного расстрела в подвалах дома Ипатьевых детей, чья вина заключалась только в том, что они родились в царской семье, она затем миллионами расстреливала нас, без суда и следствия, загоняла в концлагеря и психушки. Она убивала нас на демонстрации в Новочеркасске, укладывала в "черные тюльпаны" в Афганистане, травила нервно-паралитическими газами в Тбилиси, бросала под танки в Баку и Вильнюсе... Чернобыль — медленное умирание в радиоактивном угаре — из этого же ряда преступлений Системы против собственного народа,

который она десятилетиями методично истребляла, подобно мифической медузе Горгоне.

Победить Горгону удалось лишь одним способом — отрубив ей голову.

Но хвост ее, похоже, все еще трепещется.

The four language versions by Alla Yaroshinskaya available in Eurozine are not translations of the same article. The English version will be published in Index on Censorship 2/2006, the German version is a translation of the Russian original and was published in Osteuropa 4/2006, and the French version is from Guillaume Grandazzi/Frederick Lemarchand (ed.): Les silences de Tchernobyl. L'avenir contamine. Editions Autrement. Paris 2004, p. 27–41. (Forthcoming edition Paris 2006)

Published 2006-04-21

Original in Russian

Contribution by Osteuropa

First published in *Osteuropa* 4/2006 (German version)

(c) Alla Yaroshinskaya/Osteuropa

(c) Eurozine